

*Север – воля, надежда, страна без границ,
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья...*

(Владимир Высоцкий)

Как и всякая жизнь, река начинается с капельки, которая, соединяясь с другими, себе подобными, образует сначала ручеек, а тот, на бегу объединяясь с такими же братьями, становится бурным потоком, принимает в себя притоки, чтобы стать сперва речкой, а по истечении верст и времени – рекой. И получившая жизнь и имя река эта несет свои воды по камням и отмелям, одолевает перекаты, крутится в суводях, подмывает яры, растекается по заливным лугам и, отдохнув в заводях, слегка успокаивается в своем величии, чтобы уже не зная препятствий, нести свои воды к своему неизбежному концу в безбрежном Океане. У всякой жизни есть начало и предначертанный конец. А река – это не просто водная гладь: она – живой организм, полный изнутри скрытой жизни, несущий жизнь прибрежным обитателям и помогающий выжить поселившимся поблизости и связавшим с ней всю жизнь.

Для начала любой жизни всегда необходимы двое. Вот и для рождения нашей красавицы сошлись две непокорных речки: Катунь и Бия. Сошлись, слились, побурлили и объединились в объятиях, дав жизнь дочке, самой величавой на свете, с русским именем Обь, а у остяков известной как Ас. И русским, и остякам она стала надежной кормилицей, путем сообщения и тайным божеством, которому не забывали и доверять, и кланяться. Много повидала Обь за тысячелетия, много вынесла суденышек на своей груди, больших и совсем маленьких, но ни единому не отказывала и всякому находила место и на стрежне, и в заводях – по потребности. Вот и теперь приняла она в свой стрежевой поток крошечный осиновый челнок, у местных именуемый «облас», с одиноким загребующим остяцким веслом в усталых руках. В носу обласа – скрытая под листом бересты поклажа. На гребце неприметная крестьянская одежда: не привлекает взор и не отлагается в памяти. Разве что поверх фуражки и на плечах – кусок неводной дели, пропитанной дегтем против комаров. А вот кисти рук гнусу доступны, и на тыльных сторонах ладоней красные волдыри и расчесы: весло из рук нельзя выпустить и приходится терпеть. Гребец проклиняет зуд и гребет с остервенением: солнце опускается, и пора выбирать место для ночевки и отдыха. Но вот и подходящая заводь нашлась, и облас уткнулся в береговой песок. Гребец потянулся на своем месте, постарался расправить затекшие от неподвижности ноги и выбраться на сушу. Однако занемевшие конечно-сти не захотели слушаться. Пришлось яростно колотить по ним кулаками до тех пор, пока застоившаяся в жилах кровь не возобновила движение.

Тогда гребец повторил попытку высадки и, опираясь на весло, выступил из обласа. Ноги подчинялись ещё плохо, и не разгибалась поясница. Ему бы передохнуть, растянуться на песочке. Но некогда: уже смеркается, помощи ждать не приходится, и надо пошевелиться. Гребец потянул за нос обласа, челнок легко подался и вскоре был перевернут кверху днищем на сухом месте, чтобы укрыть на ночь своего владельца. А хозяин собрал сухой плавник и развел костерок поблизости. От огня и тепло ему, и дымок от комаров спасает, и чай из листьев дикой смородины. Хозяин достал из припасов кусок сала, отрезал, пожевал, запил кипятком и, постелив под обласом лист бересты, растянулся на нем, закутав от гнуса лицо и руки. Усталость навалилась, и наш герой провалился в сон.

Пока он спит, есть время рассказать, кто это такой, и что его выгнало в трудный и долгий путь на утлом суденышке по великой реке.

В деревушке Бочкарево, что на реке Тальменка, впадающей в Обь возле Искитима, земляки зовут этого парня по-деревенски просто – Сима. И никто не догадывался, что при крещении он был наречен как Серафим. Да еще и Адамович. Потому что родился он в семье потомственного сибирского священника, бочкаревского батюшки Адама Седых.

Сима, хотя и сын священника, от других парнишек почти ничем не отличается: со всеми играет в бабки, ставит сети на карасей, вскапывает огород, косит сено для домашней скотины, скачет верхом на пегой кобылке и любит читать всё на свете, не только Писание. Разве что по праздникам поёт в храме, а вечерами лихо играет на гармошке-хромке. Ну, это не очень-то большое отличие от его друзей Пашек, Ванек и Сережек, для которых он всегда просто Сима и иногда даже Симка. Свой парень, хотя и с крестиком на шее. Да кому его крест мешает, казалось бы. Оказалось – далеко не так.

Жизнь деревенского батюшки далеко не мед. Одними скудными подавниями за службы и требы не прокормиться. Да и храм содержать надобно. Приходилось ему и домашнюю скотинку держать: кобылку, корову, овец, хрюшку и гусей. А ещё и огород немалый, а на нем картошка, капуста и всякая мелочь. Всей поповской семейке доставалось на нем трудиться. А если сами не успевали, то добросердечные прихожане подсобляли. Кто по доброте душевной, а кто, из бедности, в счет оплаты за услуги: крещение, отпевание, освящение и всякое прочее, иногда вплоть до венчания. А что селянину делать, если расплатиться нечем? Ведь батюшка по-своему тоже трудится, не отказывает, по доброте своей отмаливает грехи тяжкие и немалые.

Вот эта доброта отцу Адаму потом повернулась своим черным боком, на котором людская неблагодарность обозначилась. И даже того хуже.

Со всем домашним хозяйством батюшки успешно управлялась его жена – матушка Степанида, женщина дородная, проворная и праведная. К чему бы ни прикоснулась – все приходило в порядок: в горнице чистота, в печи хлебный дух, в хлевах скотина сыта и ухожена, а под окнами цветы – незабудки. При всех своих заботах матушка умудрялась быть в курсе всех деревенских новостей и сплетен, которыми с ней охотно делились соседки и подруженьки. От них и донеслось, что сынок ее Сима давно уже тайно встречается с дочерью упертого старовера Петра Меринова – Анной. К новости Степанида отнеслась снисходительно: мало ли кто по молодости и глупости с кем загуливает. Анна девка ухоженная, работающая и здоровая. Одно плохо, что она из семьи упрямых беспоповцев. А может то и хорошо: погуляют и разойдутся. Неединоверческой свадьбе не бывать.

Однако молодые мечтали иначе. Петр Меринов, прослышав о выборе дочери, в негодовании взвился: «С вероотступником загуляла! С никонианцем – троеперстником! От старой веры отошла! Отца с матерью ослушалась! Тебе давно подходящий жених предназначен из наших, староверов – Игнат Пестряков. Ждем его с лесозаготовок. Теперь вечерами дома сиди! Ослушаешься – прокляну и лишу приданого. И не реви: бабьи слезы – божья роса». У Аннушки слезы ручьем: «Не пойду за корявого Игната, мне Сима люб, пуще жизни!»

Пятеро братьев Мериновых сестренку любили, жалели и помочь ей решили по-своему и неуклюже, как в деревне принято. Вечерком, после гулянки, подловили гармониста на безлюдье, окружили с недобрыми лицами: «Разговор к тебе есть. Отвяжись от нашей сестрички, не улещай, не соблазняй её. Мы тебе, вероотступнику, её не выдадим и душу загубить не дадим. А не отстанешь – изловим и забьём до смерти». И в качестве задатка, чтобы не сомневался, отвесили Серафиму пару горячих.

Всем известно – братья Мериновы – парни серьезные, шутить не станут. Если пообещали – сделают. Только и Серафим не заробел. Братьям покориться даже не посулил. Растянул гармошку и заиграл-запел:

...Разлука, ты разлука, чужая сторона,

Никто нас не разлучит, лишь мать сыра-земля...

Не поняли братья намека, что Симу и Анну только смерть и разлучит. Услышали о разлуке, поверили и отступили. Но случилось ровно наоборот: смерть их не разлучила, а соединила навечно. Так иногда бывает.

Тяжко заболела матушка Степанида, ослабела до того, что всё из рук валится. Жар, слабость, круги в глазах, жизнь не мила. Да ещё забота, что мужики в дому не кормлены, корова не доена, скотина голодная. Встать бы, управиться, да мочи нет. Изба приходит в запустение, пылью зарастает, а сын и муж того не видят. Вот уйдет Степанида в вечность – пропадут они без женского пригляда. Близость вечности вынуждала об этом крепко задуматься. И Степанида удумала. Мать и на смертном ложе о своих детях страдает. Когда однажды ввечеру Сима по наущению знахарок отпаивал её отваром марьяна корня, она собралась с силами, приподнялась на подушках и прошептала: «Приведи ко мне невесту свою Аннушку, я благословлю вас на жизнь».

Непросто оказалось вызволить Аннушку из домашнего заточения, выманить на огород и оттуда, задами, доставить её в поповскую горницу. Так и предстала она перед умирающей: в простецком домашнем платыце и босиком. Только не смутила своим видом Анна матушку Степаниду: отвлекли и затмили сиянием голубые глаза, полные сострадания и любви к её единственному сыночку, прислонившемуся к девичьему плечу.

Из оставшихся сил, на последнем дыхании приподнялась Степанида с иконой в руках и молвила тихо, но отчетливо: «Ближе подойдите, дети мои. Перед ликом Божьей матери благословляю вас на брак, долгий и единственный. Живите долго, в радости, любви и верности, рожайте детей и соблюдайте божественные Заповеди. Адам! Обвенчай их через сорок дней. Такова моя последняя воля». И отошла.

А Аннушка с того часа осталась в доме Седых. Отец Адам последней воле жены перечить не стал, и когда минули и похороны, и поминки, и сорок дней, и из стаи гусей остались последние два, обвенчал Анну и Серафима в деревенской церкви. На церемонию собрались немногие: те, кто не стеснялся обнаружить свои убеждения перед новой властью, не жалующей православие. А со стороны невесты из двоедан-староверов вообще никто, кроме её пяти братьев, ради счастья сестренки переступив-

ших запрет отца. А осерчавший на весь неправедный мир Петр Меринов засобирается уехать из Бочкарево на Томь, в таежный скит, подальше от овладевающей всем бесовщины.

Впрочем, мелкие бесы по имени комсомоллисты и безбожники немалым числом собрались перед храмом и попытались сорвать праздник венчания, но в воротах храма встали братья Мериновы, а кто-то ударил в набат. На истошный призыв колокола сбежалась уже большая толпа, и комсомоллисты были рассеяны верующими. Бесенята с угрозами удалились, но пообещали вернуться и посчитаться. На прощание отец Адам призывал всех к миру и всепрощению, напомнив, что сам Христос был первым коммунистом, о чем свидетельствует его Нагорная проповедь. Нагорную проповедь никто из бочкаревцев не читал, но батюшке поверили и разошлись с миром, не тая на комсомольцев зла.

Не таковы оказались воинствующие безбожники и комсомольцы.

Но за скудным свадебным столом в доме Седых никто о них не думал, гости старались веселиться и даже немного выпили домашней браги. А у кого стол богаче? Последних гусей в печи запекли. В России, говорят, вообще страшный голод.

С того вечера в жизни семьи Седых было несколько недель настоящего счастья. Я не могу сказать благоденствия – его тогда ни у кого не было. Но молодым окружающие несчастья были неведомы, они радовались наступившей законной близости, и их переполняли ощущения прекрасного будущего. Ненадолго.

В один из дней из Искитима пришла подвода, а на ней отряд из ГПУ. Без долгих разговоров люди в кожанках арестовали отца Адама как «чуждый советской власти элемент», обыскали весь дом, перерыли всё в церкви, денег и золота не нашли, озлились, конфисковали кобылку Пеганку и забрали у Серафима гармошку как предмет религиозной агитации. Отец Адам попробовал возразить: «А гармонь зачем забирать? Побойтесь Бога!» Ему ответили: «Нам лучше знать – зачем. И бояться некого – бога нет». «Если есть бесы, то и Бог должен быть», – усомнился батюшка. «И где ты видел бесов?» – засмеялся главный в кожанке с орденом. «Передо мной стоят», – ответил Адам и получил прикладом винтовки по пояснице. За дерзость попа из избы вытолкали, посадили в телегу между двумя конвойными и увезли. Может в Искитим, может в Новониколаевск. Никто не знает, никто не слышал, никто больше не видел.

Остались Сима и Анна жить вдвоем в большом доме. Без гармошки – не до нее теперь. Затаились и почти успокоились. Однако ненадолго.

От тяжелого сна Симу пробудили крикливые чайки. Солнце уже поднялось, и птицы приступили к кормежке на заливе, в котором явно скопилось мелкая рыбёшка. Сима невольно залюбовался чайками: если и есть на земле птица красивее и удачливее, то едва ли намного она превзойдет чайку, которая прекрасно летает, ныряет и плавает, ходит по берегам и никого не боится. Особенно, если в стае. Впрочем, и Симе пора пожевать. К своему сожалению, он обнаружил, что взятые с собой припасы неуклонно убывают, и пожалел, что не поставил с вечера сеть – была бы прибавка к еде. Похоже, что вода начинает спадать, и рыба должна ловиться. Сегодня же вечером сеть надо опробовать.

Решив так для себя, Сима столкнул облас в воду и выгреб на самую середину. Когда река убывает, вода уходит от берегов, середине русла образуется как бы ложбина, по которой несет смывтый мусор. Если встре-

иться в эту струю, а встречного ветра нет, то можно почти не грести: стрележень сам подхватит лодку и понесет её, минуя заводи и затопленные тальники. Надо лишь изредка подруливать. Можно пока и расслабиться.

Весло у Симы отличное. Легкое, кедровое, похожее на гусиное перо. Старательный остяк сработал его в национальных традициях. Широкая лопасть, в треть всей длины весла, изогнута и окрашена от намокания. На рыбалке она способна заменить стол, хоть для разделки улова, хоть для трапезы. Веретено переменного сечения. Та треть, что ближе к лопасти, овальная. Такая в руке не крутится и в захвате устойчива. Верхняя треть – прямоугольная, чтобы положенное поперек обласа весло не покатилося и не выпало. А на вершине весла – мульга – поперечная рукоятка, за которую удобно держаться при гребле и при необходимости заменяющая багор, чтобы поднять затонувшую от улова сеть.

Но даже прекрасное весло становится неподъемно тяжелым, если махать им четвертые сутки без перерыва на отдых. Ноги без движения затекают, поясницу ломит, плечи болят, а руки весло не держат, и оно норовит вывалиться, что грозит бедой.

Единственное весло потерять страшно. Даже выронить его в воду нельзя. Без весла в руках гребца, облас станет неуправляемым, и покинуть стрележовое течение никак не удастся. Река будет нести беспомощный челнок до самого океана, если, конечно, встречный ветер и противная волна не прибьют его к берегу или, того хуже, не занесут в затопленные кусты. Поэтому Сима привязал весло за мульгу длинной тетивкой. Страховка не помешает: на реке он один, и если что – никто не поможет. Река – не дорога, на обочине не переждешь. Но может случиться и того хуже.

Река – точно не дорога, но водный путь, на котором встречаются пароходы, большие и малые, пассажирские и буксиры с составами из барж. Не приведи Бог, окажись неуправляемый облас на судовом ходу, его непременно стопчут, против всякого на то желания рулевого. У водного транспорта тормозов нет, на буксире состав барж в тысячу тонн, который, если даже капитан буксировщика скамандует «стоп машина и полный назад», по инерции догонит ведущего, навалится на буксир всей массой и потопит. А потому ни один судоводитель отвернуть от ничтожного обласа на фарватере не сможет и даже не подумает: за спиной государственственный груз и личная ответственность за него перед суровым законом. Конечно, пожалеем несчастного рыбака, но помочь не сможет: ничего не поделаешь – судьба такая. Сам виноват.

А если обласу удастся увернуться и избежать столкновения, его настигнет поднятая парходом волна, опасная для низкобортной посуды, если гребец в ней зазевался и не развернул челнок к волне носом.

Сима, выросший на мелководной Тальменке, законов большой реки почти не ведал и постигал их уже по ходу плавания. Однако быстро усвоил, что зевать и дремать в пути нельзя. Встречные суда стали попадаться всё чаще. В основном буксирные пароходы тянули баржи с рудничной стойкой, шпалами или с надписью «изотерм». Непривычное сельскому уху слово означало, что эта баржа – плавучий ледник, набитый мороженой рыбой, отловленной ещё зимой и предназначенной для прокорма горняков Кузбасса. Из количества изотермических посудин следовал вывод, что рыбы в Оби ловится очень много, а требуется ещё больше.

По оживлению на берегах, редким моторкам, дымному облаку на горизонте и дровяным складам Сима догадался, что уже скоро он достигнет Новониколаевска или, как его стали теперь называть – Новосибирска.

А значит ему угрожает реальная опасность быть на реке задержанным как неизвестный бродяга без документов. А пока будут разбираться: кто он, откуда бежал, зачем и почему, облас со всем имуществом исчезнет как и не бывало. И всё пропало! Охватывал страх сродни предсмертному. Руки дрожали.

Серафим отложил весло, нащупал на груди латунный, из ружейной гильзы крестик и взмолился: «Святой Боже! Святой крепкий! Святой бессмертный! Помилуй мя! Пронеси в потоке мимо вражьи сил, злобных глаз, нечистых рук! Помилуй, ради спасения рабы твоей смиренной Анны и безгрешного сына ея!»

Сима было чего опасаться. Для советских властей и их органов Серафим Адамович Седых, сын священника – врага народа, беспартийный, несудимый представлял собой не просто чужеродный элемент, каких в тайге пряталось много, а беглого и дезертира из трудовой армии, подлежащего за это суду и репрессиям. Вплоть до высылки в Нарымский край. Только он о последствиях для себя не задумывался. А вспоминал, как однажды пришли за ним люди с наганами, дали одеться и заявили, что он как сын врага народа мобилизован в трудовую армию на Прокопьевские шахты. И если повезет, заслужит, то, может, и вернётся когда-нибудь. Аннушка взревела и бросилась на грудь Серафиму.

А конвоиры захохотали, оттолкнули несчастную женщину и без лишних слов увели Симу на сборный пункт в Искитиме. Там подобных ему скопилось достаточно для загрузки целого плашкоута, который прицепили к буксиру «Спартак» и отправили к месту выгрузки в Кузбассе. Не скоро это случилось, а Аннушка стала жить одна при огороде и корове Милке.

Как Сима работал на шахте и о порядках в трудовой армии, он не очень рассказывал. От работы не увивался, но и не надрывался. Махал кайлом в забое, рушил уголёк и норму добычи выдавал. Забойщиков кормили лучше других трудармейцев и не давали захиреть. От ежедневных упражнений с тяжелой каёлкой у Симы развились плечевые бицепсы, как у циркового борца. Время тянулось мучительно медленно. Ночами на общих нарах в бараке он долго не засыпал, всё ворочался и вспоминал свою далекую Аннушку, такую мягкую, ласковую и теплую. Вестей от неё не было, и о себе ему сообщать не разрешали. А от голода, холода, изнурительного труда и привязчивых хворей трудармейцы постоянно вымирали. Армейское начальство естественная убыль деклассированных элементов особенно не беспокоило: на смену убывшим регулярно присылали других, и поток их не иссякал. Опустевшие места на нарах заполнялись новичками, которые приносили вести с воли. Скажем прямо – не утешительные. Но всё равно их жадно слушали.

И вот однажды, среди новичков Серафим узнал своего земляка из Бочкарево – Игната Пестрякова, сына бывшего лавочника, который, едва отдохнув после лесоповала, вновь угодил теперь уже на шахты, из которых не чаял выкарабкаться. Но земляк – всегда земляк, даже и под землей, и Сима поспешил узнать новости с родины.

«Ах, Сима! – вздохнул Игнат. – Не повезло нам с тобой. Разве мы виноваты, что мой отец на дому лавку держал, а твой отпевал покойников? Их за это со свету свели, нас в эту дыру законопатили, а в Бочкарево теперь ни лавки, ни церкви нет. За керосином и спичками приходится ехать за соток верст, а чтобы окрестить младенца, так и вовсе нет никого – церковь заколочена, а образа, какие удалось спасти, растащили по домам. Анну твою мельком видел, когда их с сынком твоим в Нарым увозили. А ты и не знаешь, что у тебя сынок родился? Славный такой, вылитый ты,

но неокрепшей, и как называли – не ведаю. Из района в сельсовет пришла разнарядка набрать десять девок и молодых бабенок из числа супротивных власти для отправки на рыбные промыслы. Всё село перешерстили – супротивных искали, да до контрольной цифры одной не хватило: одни комсомолки кругом. Тогда остановились на Седых Анне, не посмотрели, что она с ребёночком. Посчитали, что раз она член семьи врага народа, то и ребёнок таким вырастет».

Серафима как громом ударило: у его любимой Анны родился сынок, крохотный ангелочек, маленькое солнышко. И безжалостные бесы везут их, а может уже довели, в неизвестность, в комариные болота, глухую тайгу, холод и сырость, в которых и ссыльные мужики не все выживают, а молодая мать с ребёночком – даже подумать страшно. Серафим не долго думал. Решил, что надо бежать из трудармии немедленно. Пока тепло и сухо, можно успеть. Главное – отыскать семью. А что потом – определится на месте.

Сбежать из трудармии – небольшая проблема. Многие бежали, но добежали не все. Кому-то не повезло – попались по дороге. Немногим улыбнулась удача. В ссыльно-каторжной Сибири к беглецам, если они не варнаки, всегда сопутствовало людское сочувствие. Молодому и красивому страннику, бегущему на выручку своей любимой, подсобили: и накормили, и одели, и укрыли, и верный путь указали. Через короткое время достиг Серафим своей деревеньки: известие о победе и розыске туда так запоздало, что ищи ветра в поле.

Братья Мериновы встретили Симу приветливо: повинились, что когда забирали Анну, в деревне их не было – плотничали в чужом поселке. А то бы... Один леший знает, что бы случилось... Может, и перестреляли бы братьев. Едва они успели сестренкину корову с выпасов к себе увести. И решение Симы искать семью они хором одобрили: «С реки она никуда не денется. И на реке, и возле каждый человек виден как на ладони. А баба с ребенком завсегда найдется. Собирайся, пока не поздно: дом ваш не разграблен стоит. Хотят в нем избу-читальню поместить, но твоего возвращения опасаются. И облас ваш лежит нетронутым, как был положен, так на берегу и остался. Поможем снарядиться...»

Облас Адаму Седых ладил знакомый остяк и от души постарался. Весной, в разгаре сокодвижения, свалил он большую осину, сплавил бревно вниз по речке, выкатил на берег и старательно обтесал изнутри и снаружи, сделав заготовку, похожую на большое огуречное семечко. А потом, долго и старательно выскабливал сердцевину, разводил борта и смалил кедровой смолой. Лодочка получилась легкая, ходкая и вместительная. Для двух человек со снастями и уловом вполне достаточная. Отец Адам обласом был доволен и оплатой остяка не обидел. Батюшка любил рыбалку. Она сану не возбранялась – все Апостолы заядлые рыбаки были.

Ближе к ночи братья пришли на пустынный берег Тальменки провозжать Серафима. В носовой части обласа пристроились необходимые в дальнем плавании: котелок, топор, кружка, телогрейка-безрукавка, брезентовый дождевик, ряжевая сеть, с ведро картошки, кулек с горохом и немного соли. «Небогато, – хмыкнули братья и добавили большой шмат сала, десяток вареных яиц и чуток сухарей. – Не обессудь, чем богаты, тем и рады». А один из братьев, Иван, снял с пояса свой неразлучный рыбацкий нож: тонкий, острый, с наборной из бересты рукояткой. Таким хорошо разделявать рыбу, а упадет в воду – не утонет. «Не жалко?» – засомневался Сима. «Да он мне не пригодится, – отмахнулся Иван. – Меня служить призывают на Дальний Восток. Зачем он мне там?»

Симе помогли сеть в облас, угнездиться поудобнее, перекрестили и оттолкнули от берега, плыть в неизвестность. Краем глаза Сима заметил, как все пятеро смотрят вслед отплывающему на вертлявой душегубке. Отыщет ли он в великих просторах Богом данную любовь свою?

Некоторые уверяют, что молитва истинного праведника всегда доходит до адресата. Видимо, мольбу Серафима на небесах услышали и дали ему без помех миновать суетливый рейд в черте Новосибирска. Озабоченный великой стройкой город не заметил одинокую лодочку и пропустил её мимо пристаней и причалов, мостов, элеваторов и угольных складов. Дети купались, женщины полоскали белье, старики удили, грузчики опорожняли баржи, и никому из них до проплывающего мимо не было дела. И хорошо.

Теперь Серафим надеялся только на свои силы. Исчезла боль в руках от непрерывной гребли. Сима втянулся в ритм обязательных движений, мускулы стали привыкать и перестали ныть. Но возникла другая беда: мозоли от жесткого сиденья. Они давали знать о себе еще хуже, чем боль в плечах. Подложенная телогрейка помогла лишь слегка. Только лежа грести никому не удавалось и приходилось терпеть. И Сима терпел.

Хуже того: припасы еды неуклонно сокращались. Организму требовалась подпитка для сохранения сил, которые ещё понадобятся. Но и тут Симе повезло. В один из дней на реку выпала подёнка: метляк, бабочка однодневка, массово вылетающая из воды утром, чтобы, поплясав над поверхностью, умереть, покрывая речную гладь подобно снегопаду. Рыба как будто того и ждет: жирует, спешит нажраться, потеряв осторожность. Река от этой жировки как бы вскипает, и Сима поспешил распустить сеть. Такая рыбалка одно удовольствие: плывешь по течению, а рыба ловится, успевай выпутывай. Хотя невелика у Симы сетёшка, а добыла изрядно, больше, чем надо. Пришлось искать подходящий бережок, чтобы разобратся с уловом и просушить сеть – иначе она сопреет.

Попались в основном язи, но был и десяток сырков, которым Сима очень обрадовался. Сырок рыба жирная и нежная, его достаточно распластать, немного присолить, разложить на солнце и через пару часов можно есть. С сырков Сима и начал шхерить: на весле поперек обласа, вода рядом, кишки в воду, икру в кружку. С язями провозился дольше: крепкая рыба, костлявая. Наварил ухи, нажарил на рожнах впрок – дня на три. Присолил немного сырков. А еще повезло тут же наткнуться на полянку полевого лука. Обрадовался и нащипал целую охапку: к рыбе хорошая прикуска. Хлеба-то нет. Жирную уху пил из кружки, а икру поджарил на дне котелка. Насытился, тут же и заночевал. А утром, когда сеть просохла, двинулся дальше.

Метляка пронесло, и река заблестела зеркалом. Тихо, безветренно, но небо серое, и комары оживились. А ласточки носятся над самой водой, так и стригут поверхность. Замечательные птички – ласточки-береговушки. В недоступном другом песчаном яру своим тонким носиком проковыривают для себя длинные норки, в которых живут и выводят потомство. Песчаный яр норками сплошь продырявлен. Подземных гнезд в нем тысячи. А береговушки знают каждая – свое и не ошибаются. А потому сохраняют мир и не ссорятся. Хороший пример людям, которым даже на сибирских пространствах тесно и не ладно. Однако низкий полет ласточек не к добру, а к затяжному ненастью, которое под обласом не переждешь, а в нем от сырости не укроешься. Хорошо бы избушка бакенщика попалась, что-

бы напресветиться в гости и переждать. С севера уже потянуло холодком, а за свесью обязательно последует дождь. И Сима покинул стрелень и направил облас к берегу, на котором оказалась большая и длинная поленица дров, а за ней небольшая избушка сторожа дровяного склада пароходства. Едва успел причалить и выдернуть на песок облас, как ударили первые капли. Не думая о себе, Сима заторопился спасать и укрывать поклажу под обласом, дождевиком и листом бересты. А из избушки уже спешил на помощь хозяин, хромая и спотыкаясь: «Скорей беги в избу, сейчас ударит!»

Ливень не замедлил ждать, гром ударил, и над водой засверкало. Но в избушке было сухо, тепло, топилась буржуйка, и кипел чайник. А еще в ней были широкий топчан вместо кровати, длинный стол под окном и пара чурок в роли стульев на земляном полу. Стены сложили основательно, на мху, двери сплотили крепкие, даже окно застеклили, а на пол досок не нашли. А может и пожалели для временного жилья.

Хозяин назвался Макаром Ламбиним, одновременно сторожем и начальником дровяного склада пароходства. Всю зиму жители ближних деревень валили прибрежные березники, пилили их на метровые поленья-швырок и свозили на береговой склад. За это получали от пароходства сущие копейки, но и тем бывали довольны. В глуши даже копеечку «заработить» большая удача. А с весны и до конца навигации к яру пристают пароходы и пополняют дровами запас котельного топлива. Макар дрова им отпускает, кубометры учитывает, получает от капитанов специальные дровяные талоны и заносит операцию в амбарную книгу химическим карандашом. По местным масштабам Макар – большой начальник, он состоит в штате пароходства, получает зарплату и продуктовый паек мукой, солью и даже чаем. А ещё у него есть огородик, на который постоянно набегает зверье из леса, и его приходится отлавливать, потому что ружьё Макару не выдают.

Пароходы у него бункеруются не часто, примерно раз в неделю, а в промежутке Макару общаться не с кем, и потому он неожиданному гостю рад и для него немедленно испечет лепешки на рыбьем жиру. Поведав гостю всю свою подноготную, он тактично намекнул, что следует ответить тем же: «Куда и зачем несет тебя, паря?»

Сима радушному хозяину простодушно открылся, всё о себе рассказал. Чем поверг Макара в состояние глубокой задумчивости, не мешавшей ему одновременно заводить тесто для лепешек. Сковороды в его хозяйстве не имелось, и лепешки Макар пек прямо на верхней плоскости буржуйки. По тому, как они у него получались, было заметно, что это дело ему привычное. Если бы не привкус рыбьего жира... Но Сима и таким был рад.

За окном бушевало, на реке поднялась волна, и гостевание предполагалось долгое. Керосиновая «летучая мышь» слабо освещала стол. На чай Макар не поскупился и заварил прямо в кружках. «Вижу, не врешь ты, паря, – разговорился он, наконец. – И понимаю твоё горе всем сердцем. У самого зимой жена умерла. Пошла к проруби по тонкому льду, провалилась, выбралась, но неизмеримо простыла. Свалилась в горячке, а доктора на сотню верст вокруг не сыскать. Всех знахарок в кучу собрал, лечили травами и припарками, но бестолку. Знакомые охотники привезли топлёный барсучий жир, да промешкали, опоздали. Не дождалась Нюра лекарства. Я ночами перед образами на коленях стоял – старался для своей Нюры выздоровление вымолить. Не услышали небеса моей мольбы, не сжалились, не помиловали. Умерла моя единственная. Озлился я тогда на всех богов, снял образа и с обрыва выкинул. Надеялся, что

за святотатство разразит меня гром. А гром так и не грянул. С той поры живу один, тоскую, но другой бабы мне на дух не надо. Гляжу – и ты мне под стать в супружеской верности. И не случайно к моему берегу тебя Бог прислал. Не забыть эту девичью баржу. Больше месяца назад подвалил ко мне на бункеровку буксирчик «Товарищ», а у него на хвосте паузок полный девок и баб. Погнали их на рыбные промыслы. Команде буксира самим загружаться не хотелось, так они девок заставили. А те и рады на земле размяться. Нагрузят на бабенку три швырка, она на трапе качается, натужно кашляет, того и гляди – свалится. А конвойные балдеют, скалятся. Я что поделаю? Отвернусь и молчу. Только бабы с ребенком среди них я не заметил. Может, не разглядел. А может – её на погрузку не поставили...»

«И куда паузок повели – не скажешь? – почти простонал Серафим. Тяжелое предчувствие как обухом ударило: усопшую жену Макара звали Нюрой – просторечное от Анна. И у Симы – тоже Анна. Случайное совпадение имен или посланный свыше знак, знамение от святых угодников, чтобы спешил со спасением? – Так куда повели паузок?»

«На рыбные промыслы – куда еще, а на какие – дело секретное, я и не спрашивал. Но до какой пристани – сказать могу, хотя и не должен. У меня все бункеровки в книге зафиксированы: число, время, название, откуда и куда следует. По осени я журнал в пароходство сдам. Зачем он им – не знаю. Но записи мои строго секретные. Однако тебе открою: «Товарищ» пошел до пристани Колпашево. Наверное, там их сборный пункт. До Колпашево тебе три дня плыть, когда погода установится. А пока у меня отдохни, и мозоли залечивай.

Легко сказать – отдохни. Когда ему жена с младенцем ночами из ума не идёт, как живая является, зовёт на выручку, что и не уснуть. Руки сами к веслу тянутся, а за окошком ненастье барабанит каплями по обласу. Два дня провалялся на жестком макардовском топчане Сима, а когда дождь и волна утихли, в путь снова засобирался. Суровый мужик Макар на прощание чуть не прослезился. А на память подарил рукавицы-верхонки и бутылку барсучьего жира: «Моей не пригодилось – может, твоей поможет: на баржонке девки были простуженные. А без рукавиц твои голые руки комары съедят и не доплывешь». Сима молча перекрестил Макара, поклонился избушке, перекрестился сам, сел в облас и оттолкнулся веслом. Теперь он знал, куда ему плыть и где искать.

Через три с половиной дня на пологом берегу перед Симой и впрямь возникло Колпашево. Уже не поселок, но ещё и не город: пассажирская пристань с большим дебаркадером, магазины, склады Рыбкоопа, рыбозавод, лесозавод, хлебопекарня, райком партии, сельсовет, почта, больничка, школа, суд и отдел милиции с камерой предварительного заключения. Необходимый для центра Нарымского округа набор учреждений, самым значительным в котором считалась милиция. А потому население, в массе состоящее из первопоселенцев с небольшой примесью остяков, старообрядцев, сбежавших от царской власти, сосланных царской охранкой политических и их потомков, кулаков, скрывшихся от советской власти, спецпереселенцев и политических сосланных в Нарым уже советской властью и тонкой прослойки советской интеллигенции, по понятным причинам, оказалось малообщительным и неразговорчивым. До такой степени, что выведать что-нибудь о барже с девицами и ее возможном местонахождении не удалось. Кроме того, что пароход «Товарищ» ушел к Томску порож-

няком, без состава. Это давало надежду, что искомым паузком причален где-то поблизости. На безлюдном берегу, между многочисленных лодок кроме мальчишек-удильщиков и бродячих вороватых лаек расспрашивать было некого, за исключением странного гражданина с отрешенным от окружения видом, присевшего на борту одной из обсохших посудин. Невысокий, бородатый, в пестрой навыпуск рубахе под потрепанной поддевкой, в сыромятных чарках на ногах, но при этом в городской фетровой шляпе, он привлекал внимание. На Симин вопрос мальчишка-удильщик хмыкнул сплывшим носом: «Ссылный бездельник. Ненормальный: целыми днями на берегу торчит...»

Сима обрадовался, подошел, поздоровался и осторожно поинтересовался, не видел ли уважаемый товарищ поблизости баржонку, полную молоденьких женщин. Товарищ пронзил спросившего сверху донизу внимательным взглядом, оценил его усталый и потрепанный вид, заметил крестик на шее, догадался, что перед ним не бродяга, и негромко, но отчетливо произнес: «Видел, как не увидать такую большую людскую беду:

«Если б ведать судьбину твою, Не кручинить бы сердца разлукой И любовь не считать бы свою За тебя нерушимой порукой.	Не гадалось ставшее мне, Что, по чувству сестра и подруга, Не своей отдалилась вине Ты от братьев сурового круга».
---	---

Загадочный встретился Симе собеседник. Но его хитрый уход от существа вопроса стерпел и продолжил выпытывать: «И где эти люди теперь? Куда их выгрузили? В Колпашево, вроде как, их нет». «А их здесь и разместить негде. На Васюган страдалиц увезли, в бывший скит, что недалеко от устья. Там их держат, «сортируют» и насильно распределяют. Вдруг обнаружилось, что на вновь созданных промыслах ссыльные мужики рыбу во множестве добывают, а обрабатывать её некому, сами не успевают и уловы пропадают. План не выполняется! Вот и придумали принудительно бабами недостаток рабсилы восполнить. Везут их со всей Сибири, плохо одетых, в открытых небу паузках, как скотину. Не все, не все длинный путь переносят:

«Есть демоны чумы, проказы и холеры,
Они одеты в смрад и в саваны из серы.
Чума с кошницей крыс, проказа со скребницей,
Чтоб утолить колтун палящей огневицей,
Холера же с зурной, где судороги жил,
Чтоб трупы каркали и выли из могил».

Страшную картину нарисовал дяденька. Сима даже поежился, почувяя неладное. На прощание уточнил: «Назовись, как вспоминать тебя, дяденька?»

«Вспоминай слугу божьего Николая. Николая Ключева из Олонца! Удачи тебе в поиске суженой», – отвечивал Николай и снял шляпу.

А Сима отогнал от обласа любопытных собак, столкнул его на воду и взялся за весло: Васюган река заметная, мимо не проскочить. Теперь уже скоро Серафим найдет тебя, желанная Аннушка!

Берега Васюгана тоскливые, потому что вытекает он из крупнейшего в мире болота, оброс тальниками, ольхой, осинной и березами. Вода

в нем темная, а над ней темно от кровососов, налетающих тучами. Лезут в мельчайшие отверстия в одежде, забиваются в нос, рот и не дают дышать. Не понять, как старообрядцы их выносили и в такой среде выживали. Гнус терпели, а новые порядки не стерпели. Ушли в глубину болот, забросив все столетние постройки. В них и разместили теперь распределительную спецбазу трудармии для мобилизованных женщин. Без охраны, но с комендантом, который здесь мнит себя выше Бога. К нему приезжают вербовщики с рыбоучастков, отбирают живой товар, и комендант отпускает его им по спискам. В ожидании своей очереди отошавшие на жидких казенных харчах девки болтаются по берегу и ищут для утоления голода прошлогоднюю клюкву, свежую крапиву и редкие грибы в березовой гриве. Особо везучие пытались на крючок из булавки ловить окунишек. И даже надергивали! К одной такой и подъехал Сима на своем обласе: «Нет ли среди вас Мериновой Анны с сыночком?» И получил ответ, что «среди них её точно нет, но она лежит с другими неизлечимыми доходягами в чахоточной и может ещё жива. А ребенок её ещё по дороге помер, что Анну и доконало. Спеши, может ещё успеешь живой застать. А лучше выбирай среди нас любую здоровую». Злые у них были шутки, от безнадежности.

Сарай для неизлечимых на поверку оказался добротным амбаром, с полами, но без окон. Свет и воздух проникали в него через полуприкрытую дверь. Приглядевшись к сумеркам, Сима увидел прямо на полу, на тощей подстилке из сухой осоки три фигуры. В одной из которых, исходящей надрывным кашлем, сразу опознал свою Анну. Упал на колени, обнял, заплакал: «Что с тобой, моя милая? Аннушка, я здесь, я твой Сима, я нашел тебя!» Анна узнала его по голосу: «Сима, поздно ты нашелся! Я уже умираю». И зашлась в непрерывном кашле. «Нет, моя дорогая, это у тебя не получится. Не для того я плыл за тобой тринадцать суток, грёб из последних сил, терпел и гнус, и ненастье, чтобы схоронить тебя в этих болотах! Не дам тебя смерти, поперёк ей встану, а тебя вытащу! Хватит ей и сыночка нашего».

Бегом выскочил из амбара, домчался до обласа, отыскал бутылку барсучьего жира и скорее обратно. Спасибо Макарушке за лекарство. Он как в воду глядел! Торопливо приподнял ослабевшее тело Анны, развязал тесемки на рубахе и поразился её худобе. Не мешкая, принялся натирать её вонючим снадобьем выше груди и на спине между лопатками. Затем старательно укутал Анну в меховую телогрейку, сгрёб осоку под изголовье, уложил поудобнее и наказал: «Это ещё не все. Потерпи – я скоро».

Анна сквозь полубред и слабость поняла, что теперь она ни за что уже не умрёт, ей грезилось, что сам Господь прислал на изгнание её хвори своего серафима, который сохранит её под своим белым крылом. Из остатков сил приподнялась на жестком ложе: «Сима, я заждаюсь тебя!» – и закашлялась тяжело, до слез и обморока.

А Сима побегал на край скита, где на бугре заметил роскошные лопухи мать–и–мачехи. Быстро нарвал полный котелок свежих листьев, залил водой и вскипятил на костерке, который развел у амбара поблизости. Отвар перелил в кружку, остудил и разболтал в нем ложку барсучьего жира. «Пей до дна, – строго приказал он Аннушке. – Лекарство сладким не бывает. Бог даст, выздоровеешь. А я тебя буду отпаивать трижды в день». Затем уложил, укутал Анну и лег рядом, чтобы ночью согревать её своим телом.

Комендатура кандидаток в трудармию кормить не очень то старалась. Раз в день полагалась жидкая каша и все, хватит им. Быстрее на рыбо-

участки разведутся, а там и откормятся. При таком рационе здоровый человек протянет, а уж большой – тем более. Поэтому Сима догадался: нашел на Васюгане уловистое место и выставил сеть. Рыбы попадалось много, но в основном сорная: щука, окунь, сорога. Крупная, не очень жирная, но с голодухи сгодится. И соседкам достанется.

Время шло, чудесный барсучий жир иссяк, но и кашель почти совсем сократился. Стала Анна выходить на солнышко, ожила мужними заботами. Стала пробовать рыбу чистить. Сима за ней приглядывал строго, чтобы одевалась, не застужалась и продолжала пить отвар мать–и–мачехи: «От простуды это наилучший чай. Насушу листьев впрок, чтобы и зимой пить». И засушил целый ворох.

Однажды к ним подошел приезжий человек в хромовых сапогах и кожаной фуражке, оказавшийся вербовщиком: «Как совсем оздоровеете, приезжайте к нам в Нижневартовск, на новый рыбоучасток. Условия хорошие: оплата, кормежка, общежитие, спецодежда. Я к вам пригляделся и уверяю – у нас не пропадете. А здесь – осень скоро, об этом не думали?»

Думали, часто думали, куда дальше подаваться. Оказалось, кроме Нижневартовска, некуда. Никто их нигде не ждет. В Бочкарево путь отрезан – в отцовском доме теперь изба-читальня, а сам Сима в розыске. Пошептались супруги ночью и надумали испытать судьбу, чтобы поймать удачу. Хуже, чем сейчас, уже никогда не будет.

Попутру заявился Сима к коменданту спецбазы. Тот как раз оказался в настроении. Накануне его похвалили за выполнение плана поставки трудовых резервов на промыслы. По этому случаю он даже слегка «принял на грудь» и позволил себе расслабиться. А тут, как назло, местный рыбак явился и метрику кажет на Меринову Анну. Просит себе в жены. Посмотрел комендант в списки, а в них нет такой фамилии, давно исключена как усопшая естественной смертью. Одной больше – одной меньше. Плевать. Ему что – признать чудесное воскресение и исправлять отосланные списки, отзывать донесение? За такое головотяпство начальство не погладит. Нехорошо даже стало от такой перспективы. Стукнул комендант по столу так, что блюда зазвенели, рявкнул на всю конторку: «Я вам покажу женитьбу! Марш отсюда, чтобы я вас никогда не видел. Убирайтесь, куда хотите, и немедленно!»

Выжидать и медлить чета Седых не стала. Быстренько собрались и погрузились. В носовой части обласа Сима постелил помягче, уложил Анну, укрыл от ветра и погнал челнок навстречу солнцу. Впереди у них великая Обь, широкий простор, воля, любовь, счастье и долгая дружная жизнь. Аминь.